

Феномен маргинальности в среде колхозных председателей Западно-Сибирского края в 1930-е годы¹

В. Б. Лапердин

Вячеслав Борисович Лапердин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8. E-mail: laperdin2011@mail.ru

EDN: JTBVSF

Статья посвящена малоизученному аспекту социальной истории советской деревни — маргинальному положению председателей колхозов. Несмотря на высокое место председательской должности внутри колхозной иерархии, существовали две категории руководителей, чье положение в социальной структуре было погранично. Первая категория — назначаемые советскими организациями «профессионалы»: успешные управленцы, справившиеся с ведением дел в других хозяйствах и ставшие членами районного актива, затем отправленные в деревню. Для них работа в колхозе становилась карьерным тупиком или временным снижением статуса. Вторая категория — политически неблагонадежные лица, избранные самими крестьянами, но воспринимавшиеся властями как чуждые элементы. В данном случае карьерный рост привлекал ненужное внимание органов власти и нередко оборачивался социальным крахом. В статье сделан вывод о противоположных траекториях социальной мобильности двух изучаемых категорий председателей — нисходящей и восходящей. Показано, что, несмотря на различную природу маргинальности, их объединяла пограничность положения и неопределенность статуса. Однако обе категории обнаруживали схожие проблемы, выражавшиеся во внешнем контроле. Исследование демонстрирует, что председательская должность в 1930-е годы могла быть не социальным лифтом, а социальной ловушкой. Показан парадокс социальной мобильности в советской деревне, когда формально высокий статус в колхозной среде усугублял маргинальность, а не способствовал интеграции в советское общество.

Ключевые слова: аграрная история, колхозы, крестьянство, колхозный социум, адаптация, маргинализация, Сибирь

Коллективизация кардинально изменила социальную структуру советской деревни. Привычный мир, руководимый старостами и большевиками, ушел в прошлое. На смену пришел колхозный строй со своей иерархией во главе с председателями колхозов. И если в общегосударственном «табеле о рангах» пост председателя не имел высокого статуса, то в колхозном социуме он был зна-

1. Работа выполнена по теме госзадания: «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX — начале XXI в. Стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

чим. Впоследствии выделившиеся из их числа умелые руководители смогли воспользоваться социальными лифтами и стать партийными и хозяйственными работниками. И все же эта должность не всегда свидетельствовала о социальном успехе. Порой она становилась не трамплином для карьеры, а социальной ловушкой. Именно такие неочевидные случаи находятся в центре внимания настоящей статьи. Цель работы — показать неоднозначность статуса председателя, в определенных ситуациях приобретающего отчетливые признаки социальной маргинальности. В социологической традиции под маргинальностью понимается пограничное состояние индивида или группы, утративших устойчивую принадлежность к определенной части социума и находящихся на стыке различных социальных общностей. В данной статье речь идет не об экстремальной маргинальности и физической изоляции, как в случае со спецпереселенцами (Красильников, 2004: 4), а о повседневной маргинальности, когда индивид остается внутри общества, но пребывает в ситуации статусной неопределенности и перманентного давления со стороны государства, вызванного его положением.

Среди председателей колхозов можно выделить два типа маргиналов, объединенных пограничностью положения, но различающихся причинами своего состояния и векторами социальной мобильности. Первый тип — «профессиональные» председатели, назначенные на должность местными органами управления из числа городского и районного актива. Они представляли собой «переходных» маргиналов, оказавшихся на стыке городской и деревенской социальной реальности. Необходимо подчеркнуть, что эта категория не была однородной, и объектом данного исследования являются принудительно направленные в колхозы низовые советские служащие, а не те, кто шел в деревню добровольно (двадцатипятипятисычники). Их маргинальность носила нисходящий характер и выражалась в вынужденном возвращении в крестьянскую среду и регрессе карьерного развития. Второй тип — председатели из числа политически «неблагонадежных», которые в силу своего происхождения или прошлого оказались на обочине социальной жизни: бывшие зажиточные крестьяне, раскулаченные или их родственники, торговцы, священнослужители, участники антибольшевистских выступлений. Для них занятие высокой должности означало восходящую маргинальность, что несло угрозу из-за повышенного внимания контролирующих органов.

В отличие от исследовательских подходов, унаследованных от советской социологии, оперировавшей формальными показателями (возраст, пол, образование, партийность), обращение к социальной психологии и теории маргинальности выводит работу за рамки сухой статистики и позволяет сосредоточиться на отдельных категориях руководителей. Их биографии выбиваются из общего ряда председательского корпуса своей особой траекторией социальной мобильности и уникальными адаптационными практиками.

Вопросу изучения председательского корпуса посвящено немало работ. Не претендуя на исчерпывающий историографический обзор, выделим те работы, в которых затрагиваются интересующие нас категории колхозных руководителей. Ш. Фицпатрик разделяет председателей на «чужих», присланных райкомами и райисполкомами, и «местных» — выбранных колхозным коллективом. При этом отмечается, что в годы первой пятилетки доля чужаков была значительно выше, чем в последующий период. Фицпатрик упоминает и случаи избрания председателями «неблагонадежных» крестьян, что формально не противоречило закону, хотя и вызывало резкое неприятие властей (Фицпатрик, 2011: 209–211, 274–275). М. А. Безнин и Т. М. Димони акцентируют внимание на различиях в ментальности «пришлых» городских управленцев и выходцев из сельской среды, что требовало поиска иных принципов выстраивания социальных связей местных жителей с чужаками (Безнин, Димони, 2013: 16). Также исследователи указывают на подозрительное отношение колхозников к председателям из зажиточных семей или родственникам раскулаченных, следствием чего становилось их быстрое смещение (Безнин, Димони, 2010: 28). М. Н. Глумная, изучая управленческий аппарат колхозов Европейского Севера России, упоминает о направлении местными властями «антикризисных управляющих» в отстающие колхозы и отмечает устойчивость этой практики как до коллективизации, так и после (Глумная, 2011: 179). Таким образом, в историографии присутствуют упоминания об обеих исследуемых категориях председателей, но авторы не переходят к их содержательному анализу, ограничиваясь простой констатацией факта их существования. Остается невыясненным и вопрос их численности. Партийные организации не вели систематической статистики ни по «профессиональным», ни по «неблагонадежным» председателям. Последними занимались органы госбезопасности, но и они не всегда выявляли всех скрывавших свое прошлое. Однако их ценность для изучения определяется не количественными показателями, а особенностью их положения в колхозном социуме и спецификой взаимоотношений с властью.

Обращение к теории маргинальности позволяет преодолеть ряд упрощений, характерных для современной историографии. В отличие от председателей, выдвинувшихся из крестьянской среды, для которых должность главы колхоза служила устойчивой опорой в колхозной иерархии, либо карьерным трамплином, руководители-маргиналы находились в иной ситуации. Хозяйственно успешный и не имеющий «темного прошлого» председатель обладал четкой социальной принадлежностью (политически лояльный бедняк или середняк), предсказуемой карьерой (в случае успеха следовало повышение) и воспринимался властями как элемент, встроенный в систему управления колхозной экономикой, то есть как абсолютно «свой» и системный. Жизненный путь председателей-маргиналов складывался иначе: «профессионалы» хотя и были «своими» для властей, все же оказались вынуждены вернуться на уже пройден-

ную ступень своего карьерного и социального развития, что означало для них отлучение от благ городской жизни. В случае неудачи «профессионалы» теряли больше других председателей, так как уже состояли в партии, имели карьерные перспективы вне колхоза и легальную возможность вернуться в город. В свою очередь неблагонадежные, как «несистемные» и «чужие» для властей, рисковали свободой там, где обычного председателя просто сняли бы с должности. Следовательно, такой подход не только наглядно демонстрирует неоднородность председательского корпуса, но и показывает, что высокий формальный статус не гарантировал стабильности и даже при выполнении всех хозяйственных планов превращался в своеобразную социальную ловушку.

«Профессиональные» председатели, или «назначенцы»

Категория «профессиональных» председателей, или председателей-«назначенцев», в годы первой пятилетки рекрутировалась преимущественно из городских рабочих и служащих, специально подобранных властями для отправки в деревню. Такие мобилизации могли принимать характер кампаний, наиболее яркий пример — движение двадцатипятидесятыхников, преследовавшее цель восполнения дефицита колхозных кадров. И хотя их нельзя квалифицировать в строгом смысле слова как «профессионалов» ввиду отсутствия у них опыта ведения сельского хозяйства, считалось, что организационные практики в промышленности, знакомые двадцатипятидесятыхникам, можно применять в колхозах, повысив тем самым их производительность. В реальности же люди, ранее не занимавшиеся сельским хозяйством, в большинстве случаев с трудом справлялись со своими задачами.

Со временем стало ясно, что городские «рекруты» значительно уступали по своей эффективности выходцам из сельской среды, хотя это никогда официально не признавалось. Кроме того, горожане не могли покрыть дефицит колхозных кадров. Поэтому в годы второй пятилетки основным резервом председательского корпуса стали бывшие члены правлений, бригадиры, счетоводы, полеводы, знавшие специфику организации труда в сельхозартелях. При успешной работе они попадали в поле зрения районных властей и могли быть «переброшены» в отстающие хозяйства. Примером такой масштабной ротации в Западно-Сибирском крае стало перемещение в 1936 году председателей и бригадиров из юго-западной части региона в северные районы для замены политически нелояльной колхозной верхушки, что будет подробнее рассмотрено ниже.

Успешные председатели в случае возможности переводились на партийную или советскую службу в районные органы. Для деревни тех лет подобная перспектива имела огромное значение. Рядовым колхозникам приходилось прибегать к различным ухищрени-

ям и идти на махинации с целью получения необходимых для выезда в город документов. В то время как председательская должность, сама по себе означавшая достижение верхней планки в колхозной иерархии, открывала легальные способы выхода за пределы деревенского мира. Правда, для этого человеку требовалось зарекомендовать себя перед местными властями для последующего перевода в райцентр. В 1940 году секретарь Татарского райкома отмечал в докладной записке Новосибирскому обкому: «Если председатель колхоза начинает справляться с работой, начинает расти, колхоз выходит в передовые, говорят: „такой-то товарищ вырос, его нужно выдвигать“ и „выдвигают“ на зав[едующего] городской столовой, заведующим каким-либо складом, инспектором какой-нибудь Сибпушнины, продавцом и т.д., до рассыльного отдела связи включительно. В результате руководящие колхозные кадры растащены и даже в колхозах создано такое мнение, что председателем колхоза можно работать до тех пор, пока ты не сможешь быть где-нибудь зав[едующим] складом, продавцом, милиционером, не сможешь хотя бы рассыльным»².

Х. Окуда отмечает, что подобная ситуация складывалась в отношении вообще всех колхозников-коммунистов. Вступление в партию для них становилось шагом к переезду в город, чтобы там занять любое вакантное место — продавца в кооперации, разносчика писем, буфетчика, и подобный перевод на второстепенные должности считался «выдвижением» (Окуда, 2011: 527). В это время в массовом сознании колхозников сформировалось мнение о привилегированном положении горожан. Поэтому должность руководителя сельхозартели для многих сельских жителей находилась по статусу ниже, чем работа рядового советского служащего, даже если она означала уменьшение материального достатка. Вряд ли рядовой милиционер или рассыльный получали больше председателя экономически крепкого колхоза, особенно с учетом теневых возможностей использования общественных ресурсов. Следовательно, ключевым мотивом выступала не материальная выгода, а символическая ценность освобождения от крестьянского статуса и новая жизнь в городе. Данный тезис ярко иллюстрирует тот факт, что социальные иерархии определяются не только экономическими факторами, но и доступом к символическим ресурсам и привилегиям: работа не в поле, а в конторе; твердый оклад и паек вместо условных трудодней; возможность посетить кино или библиотеку, а не молодежные посиделки. В глазах колхозников эти преимущества становились статусными символами.

Однако даже закрепившись на новой должности, бывшие председатели сохраняли возможность возвращения в деревню в качестве «профессиональных» колхозных руководителей. При возникновении острой необходимости местные власти практиковали переброску районного актива в колхозы. Такие «назначенцы» отработывали

2. Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. П-4. Оп. 34. Д. 98. Л. 147.

в хозяйстве сезон или два, после чего направлялись в следующее, хотя иногда допускалось и более длительное пребывание на одном месте. После выполнения задачи они оставались в колхозах или отзывались обратно в город — на прежнюю или иную должность. Подобные перемещения объяснялись тем, что колхозные управленцы являлись источником кадров, без которого районные организации не могли нормально функционировать. Обратное движение — направление низового работника в колхоз — хотя и встречалось, но носило ситуативный характер и происходило в ходе сельскохозяйственных кампаний после распоряжения регионального центра.

Уже упоминавшаяся докладная записка секретаря Татарского райкома отражала ход работы по отбору кандидатов для укрепления колхозов. В их числе оказался заведующий заготовительной конторы райпотребсоюза, продавец межрайторга, инструктор райкома и другие низовые работники советских органов. Между тем среди них нашлись и те, кто ранее выполнял функции, требовавшие высокой квалификации: бывший заместитель директора по политической части Татарской МТС, а также директор ликвидированного совхоза, затем ставший партийным организатором. Все они начинали в колхозе и когда-то занимали должности председателей, бригадиров или полеводов, после чего были «выдвинуты» для повышения.

Известие о своем возвращении в деревню райактив встретил крайне негативно: «В начале это решение было понято неправильно, товарищи отнеслись к нему с обидой и отказом ехать в колхоз. Посылаемые товарищи, имея старое понятие о колхозах, считали для себя работу в колхозе наказанием, чуть не издевательством, но после соответствующей работы поняли, что для большевиков, работающих в сельских районах, нет большей чести, как бороться за выполнение решений ЦК ВКП(б) на работе в колхозе, и сейчас товарищи едут с большим желанием»³. Возвращение в колхоз воспринималось этими людьми как личное поражение. Социальная система показала им свою ненадежность: обещала рост и даже позволила сделать первые шаги в желаемом направлении, а затем отбросила в исходное состояние, обесценив тем самым все предыдущие усилия. В глазах мобилизованных это был карьерный крах, обнулявший их социальные достижения. Последовавшая реакция («обида и отказ», «наказание, чуть не издевательство») вполне логична и объяснима. Но «после соответствующей работы» им объяснили ошибочность такого восприятия реальности и попытались навязать иную точку зрения: работа в колхозе — большая честь для членов партии. Из личной трагедии людей конструировался героический эпос («борьба за выполнение решений ЦК ВКП(б)»). От них требовали не просто конформности и подчинения, а подлинного «большого желания», сопровождаемого энтузиазмом и благодарностью. С помощью такого принудительного преодоления когнитивного диссонанса местные власти морально

3. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 98. Л. 147.

подготавливали райактив к возвращению на прежнюю ступень социальной иерархии. Большинство скрепя сердце подчинилось, демонстрируя внешнюю лояльность. Однако это не прошло для них бесследно, о чем свидетельствуют попытки сопротивления: «Зав[едующий] базой росшвейсбыта т[оварищ] Омелосенко здесь дал согласие, причем заявил, что он едет с охотой, а сам выехал в область и там обивает пороги с просьбой защитить его от произвола райкома»⁴. Омелосенко, дав согласие и кинувшись искать защиты, демонстрирует панику и отчаяние человека, пытающегося избежать понижения социального статуса. Подобное поведение в случае неудачи могло обернуться серьезными последствиями, вплоть до партийного выговора или исключения из рядов ВКП(б). Поэтому большинство намеченных для работы в деревне партийцев не по своей воле отправилось «поднимать» отстающие колхозы, пополняя ряды «профессиональных» председателей.

Высвободившись из колхозного социума и войдя если не в номенклатуру, то в состав районного актива, эти люди совершили акт социального прорыва. В новой городской среде их идентичность перестроилась: став советскими служащими, ведущими «цивилизованный» образ жизни, они перестали быть крестьянами в полном смысле данного термина, хотя и не утратили крестьянскую «сущность» окончательно. Последующее возвращение туда, откуда они недавно вырвались и где не хотели жить — в колхоз, подчеркивало их переходный маргинальный статус: еще не горожане, но уже и не крестьяне.

«Неблагонадежные» председатели

Выборный характер должности председателя колхоза позволял занять руководящие позиции лицам, с точки зрения государства, социально неблагонадежным. Бывшие зажиточные, «твердозаданцы», родственники раскулаченных, участники Белого движения или крестьянских выступлений могли при поддержке односельчан возглавить колхоз. Райкомы не всегда знали о прошлом кандидатов и не контролировали выборы повсеместно во всех сельхозартелях. В случае выявления хозяйственных нарушений «социальное лицо» таких председателей становилось отягчающим обстоятельством, однако нередко оно уже само по себе служило достаточным основанием для отстранения от должности. Местные власти всегда предвзято относились к подобным кадрам. Анжеро-Судженский горком в 1933 году докладывал о председателе колхоза «Шестой съезд»: «бывший церковный староста Лебедянской церкви, заняв более подходящую трибуну, откуда можно вести вредительскую и разлагательскую работу, занимаясь систематической пьянкой с чуждо-классовыми элементами, что отражалось на колхозную массу и состояние трудовой

4. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 98. Л. 148.

дисциплины, на собраниях колхозников агитирует за проводимые мероприятия партии и правительства, а на деле всячески старается избежать»⁵. Упоминание о «трибуне» в данном контексте не является случайным литературным украшением текста и отражает устойчивое негативное отношение автора документа к бывшему церковному старосте, чья публичная поддержка власти рассматривалась лишь как ширма для прикрытия антисоветских взглядов.

В том же районе в 1936 году был отстранен от должности еще один председатель — Пушечко из колхоза «Вперед», до революции служивший околоточным надзирателем и следивший за политзаключенными. Несмотря на это, путь в советское общество ему не был закрыт — бывшие надзираемые настолько хорошо о нем отзывались, что он даже сумел при их содействии вступить в ВКП(б). Правда, прошлое его все же догнало, и из рядов партии Пушечко исключили. Впоследствии, пользуясь сохранившимися связями, он сумел выбиться в председатели сельхозартели. Сместили же его из-за жалоб односельчан на грубое поведение своего начальника. Получив «сигнал», НКВД инициировал расследование и провел проверку выданных ему в 1919 году документов «за подписью старшины и политзаключенных, которые дают ему отзывы о его хорошем отношении к ним»⁶. Здесь важно подчеркнуть, что именно занятие председательской должности, сделавшее Пушечко публичной фигурой и объектом сельских конфликтов, привлекло к нему внимание органов государственной безопасности.

Схожая судьба ожидала жителя села Крестьянское Мамонтовского района Савина, во время коллективизации вступившего в колхоз и ставшего председателем. Как он сам указывал в личном письме, ему в этом помогло красноармейское прошлое: «имел авторитет так как я служил в Красной армии 2 года 10 месяцев»⁷. В 1930 году его приняли в ряды ВКП(б). Сочетание статуса бывшего красноармейца, партийности и руководящей должности в сельхозартели «им. Мамонтова» формировало образ типичного представителя власти в крестьянской среде и открывало перспективы дальнейшего выдвижения в районные организации. Однако в 1932 году в колхозе вскрылись хозяйственные нарушения, что сделало положение Савина шатким. Ситуация ухудшилась, когда бедняцкая группа колхоза обратила внимание надзорных структур на его прошлое — до коллективизации совместно со своим тестем он вел хозяйство, арендуя землю и используя наемный труд. В итоге «перспективного работника» сместили с занимаемой должности, подвергли раскулачиванию и аресту. Почему бедняцкая группа решила выступить против председателя-коммуниста, неясно: возможно, в результате банальной борьбы за должность, или же искреннего недовольства связями

5. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 132. Л. 5-6.

6. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 743. Л. 763.

7. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 2. Л. 208.

с тестем-эксплуататором. Очевидно одно — одновременное вскрытие хозяйственных нарушений и «кулацкого» прошлого не было случайным совпадением. Высокое положение внутри крестьянской среды сделало героя данного рассказа уязвимым для недоброжелателей, использовавших идеологическое обоснование с целью перевода внутриколхозного конфликта в политическую плоскость. Будь Савин простым колхозником, не привлек бы внимание и избежал репрессий. Следовательно, для людей с «темным прошлым» вертикальная мобильность создавала дополнительные риски: социальный лифт привел Савина не в районный кабинет, а в тюремную камеру.

Удаленность колхозов от райцентра и слабость контроля властей над ними повышали социальную активность «неблагонадежных» категорий сельского населения. Особое положение складывалось в таежных колхозах на севере Западно-Сибирского края, не затронутых чистками политотделов в 1933–1934 годах из-за неразвитости сети МТС в этих районах. По всей видимости, местные колхозы оказались в некоторой изоляции от общесоюзных кампаний по организационно-хозяйственному укреплению, что способствовало их обособленности и росту протестных настроений. По данным Западно-Сибирской прокуратуры, во время хлебозаготовок 1935 года было осуждено 448 рядовых колхозников⁸. Тогда же крайком партии в докладной записке в ЦК ВКП(б) и Совнаркоме СССР информировал, что за летне-осенний период в северных районах подверглось судебным репрессиям за контрреволюционную и саботажническую деятельность 369 человек⁹.

Дополнительным фактором, осложнявшим ситуацию для государства в северных районах, являлось их соседство с местом крестьянской ссылки, Нарымским округом. Постоянные контакты колхозников с раскулаченными создавали благоприятную атмосферу для циркуляции антисоветских настроений. Ситуация осложнялась тем, что на севере края репрессированных крестьян не выселяли за пределы своих районов, чем те пользовались, находя поддержку со стороны родных и односельчан. Подобным «грешили» не только рядовые колхозники, но и члены правлений. Так, в одном из отчетов органов власти указывался характерный пример: «Пред[седатель] колхоза Толбанов Афанасий Петрович, по соц[иальному] положению середняк, по жене имеет родственников-кулаков, с которыми имеет связь. Родственники-кулаки из трудпоселков бывают у него в гостях, и он бывает у кулаков»¹⁰.

Оказавшись на руководящих должностях, родственники раскулаченных пользовались своим положением для зачисления в колхоз репрессированных родных. Рядовые члены коллектива зачастую смотрели на это сквозь пальцы, так как и сами рассчитывали

8. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 9. Д. 954. Л. 167.

9. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 869. Л. 82.

10. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 766. Л. 1011.

оказать аналогичную помощь находящимся в той же беде близким, устроив их в свой колхоз. Механизм этой круговой поруки описан в сообщении партийного организатора крайкома, направленного в сельхозартель «Восходящая звезда» Каргасокского района: «Правление колхоза состояло из 5 человек, из коих председатель правления Батулин Михаил Дмитриевич связан родственными связями с кулачеством (сестра его Екатерина замужем за сыном кулака Сыркиным И. И., ныне работающим мельником в колхозе), члены правления Данилюк Яков Семенович сын крупного кулака, сосланного в 31 году, ныне член колхоза, член правления Соснин Николай Федорович тесно держит связь с двоюродными братьями Сосниным Николаем Николаевичем и Семеном Николаевичем, которые были лишены избирательных прав и сосланы, ныне члены колхоза»¹¹.

Слабый контроль со стороны райкомов и МТС в северных районах и их географическая удаленность создавали специфическое пространство социальной автономии, где вакуум власти заполняли характерные для крестьянского мира локальные социальные сети и неформальные связи. Здесь местечковые крестьянские элиты, используя родственные и добрососедские связи, обладали большим весом, чем пришлые представители правящего режима. Переломным для этой «вольницы» стал 1936 год, когда государство инициировало масштабную чистку колхозов в северных районах с целью восстановления контроля путем массовой замены местных председателей на политически выдержанных выходцев из южной части края и внедрения института партторгов крайкома. Специально созданные районные комиссии по чистке выявляли хозяйственно слабых и политически опасных колхозных управленцев. Из-под их пера выходили емкие и выразительные описания, фиксирующие социальный срез проверяемых: «организатор контрреволюционного выступления нескольких деревень, лодырь, саботажник, за время его работы пало 9 лошадей, бездушно относился к нуждам колхозников»; «служил один год во флоте Колчака, во время невыходов на работу записывал себе по 1-му трудодню, сорвал подготовку к строительству благодаря починке гармошек на сторону»¹².

Комиссии не смущали такие нестыковки в обвинениях, как организация контрреволюционного выступления лодырем или срыв строительства из-за починки гармошек, поскольку «антисоветская сущность» проверяемых была очевидной. В характеристиках соединялись идеологическая стигма («сын кулака», «колчаковец»), хозяйственная халатность и бытовое разложение. В результате создавался образ врага, чья сущность неизбежно проявлялась во всех сферах жизни — от политической до хозяйственной и бытовой. Обвинения не подвергались сомнению, несмотря на их абсурдность, поскольку вписывались в рамки требуемого нарратива.

11. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 785. Л. 147.

12. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 701. Л. 205, 207.

Одной лишь проверкой членов правления дело не ограничилось. Придавая важное сельскохозяйственное значение северным районам, Западно-Сибирский крайком поставил задачу включить в состав колхозных управленцев политически благонадежные и преданные кадры. Для этого планировалось перебросить из южных районов 300 председателей и бригадиров, а местных руководителей сельхозартелей отправить на курсы переподготовки, охватив не менее 300–400 человек, что составляло 15–20% от их общего числа. В результате этих кадровых изменений около трети колхозов в северных районах получили идеологически выдержанных председателей. Для усиления их влияния вводился институт партийных организаторов крайкома, специально утверждавшихся региональным центром. Всего отбору подлежало 200 парторгов, направлявшихся в наиболее крупные колхозы¹³. Данный комплекс мероприятий, включавший чистку руководящего состава сельхозартелей и его замену на политически лояльных «профессиональных» председателей и партийных организаторов, по замыслу властей должен был поставить под контроль колхозы северных районов. Целью этих действий являлось разрушение автономных социальных сетей, выдвигавших в управленцы идеологически чуждые кадры, и их замена полностью управляемыми председателями-назначенцами, подчиненными партийно-хозяйственному аппарату.

Подводя итог, можно выделить несколько стратегий адаптации, использовавшихся «неблагонадежными» председателями колхозов. Первая — сокрытие идентичности: председатели пытались скрыть свое прошлое, надеясь, что лояльность государству и эффективная работа отведут от них подозрения. Вторая — гиперлояльность: будучи уже раскрытыми, они стремились заслужить прощение через демонстративную преданность режиму и выполнение плановых заданий. Обе эти стратегии, однако, были сопряжены с высоким риском. Даже если такой руководитель заявлял о своем прошлом заранее, оно все равно оставалось миной замедленного действия, готовой взорваться при первой же ошибке. Этим часто пользовались недовольные члены колхозного коллектива, подставляя под удар своих односельчан. Третья стратегия — добровольный отказ от социального роста. Это явление, хотя и редко находившее отражение в источниках, было, по-видимому, распространенным. Лица с нежелательным прошлым, осознавая, что высокое положение в колхозе привлекает внимание местных властей, взвешивали все риски, принимая на себя обязанности председателей или членов правления. Многие преднамеренно избегали подобных назначений, поскольку тем самым они лишались возможности оставаться в тени и хоть как-то контролировать опасность, исходящую от государства. Все три описанные стратегии в той или иной степени использовались другими «группами риска» («бывшие», торговцы, белогвардейцы и т.д.), чье прошлое мешало благопо-

13. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 869. Л. 83–84.

лучно интегрироваться в советское общество. Однако у «неблагонадежных» председателей имелась и четвертая стратегия, основанная на особенностях крестьянского мира. Став частью колхозного социума, перенявшего ряд черт сельской общины, председатели могли рассчитывать на поддержку коллектива, внутри которого взаимные обязательства и взаимопомощь становились основой противодействия внешней угрозе. Особо ярко это проявлялось в удаленных от райцентра колхозах, слабо контролировавшихся органами власти.

Заключение

В представленной статье показана неоднозначность положения колхозного руководства 1930-х годов, где два противоположных типа председателей — политически лояльные «профессионалы-назначенцы» и «неблагонадежные» выдвиженцы из колхозной среды — оказывались в маргинальном положении по разным причинам и с противоположными траекториями социальной мобильности. Для кого-то председательское место было опасным движением наверх, для других — карьерным тупиком или возвращением на пройденный этап.

Среди «профессиональных» председателей можно выделить по-своему уникальную социальную группу выходцев из крестьянской среды, преодолевших ее и прошедших социальную трансформацию, а затем вновь вернувшихся обратно в деревню. Тем самым они пережили два последовательных изменения идентичности, причем второе (повторное возвращение в колхозный социум) накладывало свой отпечаток на первый (выход из деревни). Эти люди уже не были в полном понимании крестьянами, но и, несмотря на свою службу в советских организациях, не стали полноценными горожанами. Возврат в колхоз становился для них не просто карьерным понижением, а еще и жизненным кризисом. Их маргинальность носила нисходящий характер, они оказались в своеобразной ловушке колхозного социума, не в силах закрепиться в райцентре.

Председатели с «пятном» в прошлом являли собой противоположный тип — восходящую маргинальность. Сложность их положения состояла в том, что социальная активность и карьерное продвижение делали их более уязвимыми перед властями. В советском обществе для «бывших» и других «групп риска» социальный рост оборачивался большей заметностью в глазах государственных органов. Социальный лифт в данном случае работал не как средство интеграции, а как отложенная на время катастрофа.

Складывалась ситуация, при которой восходящая мобильность председателей с «кулацким пятном» в биографии усиливала их уязвимость, в то время как нисходящая мобильность «профессионалов» затягивала и делала более болезненным этап перехода из деревни в город. Несмотря на противоположность движения социальных тра-

екторий, обе категории обнаруживали схожие проблемы, выражавшиеся во внешнем контроле и кризисе идентичности: «назначенцам» приходилось мириться с необходимостью возвращения в деревню, а председателям с «антисоветским» прошлым скрывать и переосмысливать свою биографию. Зависимость от внешнего контроля у «профессионалов» заключалась в тесных личных и рабочих связях с районной номенклатурой, что ставило их в условия гиперподчинения. Тогда как положение «неблагонадежных» председателей всегда оставалось шатким из-за угрозы разоблачения со стороны советских органов или односельчан. И если избежать зависимости от внешнего контроля не представлялось возможным, то процесс адаптации к колхозной жизни в определенных случаях удавалось смягчить. «Профессионалы» могли вновь интегрироваться в колхозный коллектив, а «неблагонадежные» председатели — найти коллективную защиту, что было вполне возможно в условиях слабого контроля властей (как в северных колхозах Западной Сибири).

Маргинальное положение обеих изучаемых категорий председателей иллюстрирует парадокс социальной мобильности в колхозном социуме, когда нахождение на ее наивысшей ступени становилось источником уязвимости, а не стабильности и роста. Их формально высокий статус в колхозной среде не соответствовал реальному положению, оказавшемуся невыгодным и шатким. В отличие от других членов председательского корпуса эти люди не только рисковали в случае невыполнения производственных планов, но и испытывали дополнительную угрозу в виде излишнего внимания к себе со стороны властей (для «неблагонадежных») или могли «увязнуть» в колхозном социуме с непонятными карьерными перспективами (для «профессионалов»). Выживание и адаптация в таких условиях требовали от них не только лояльности или компетентности, но умения лавировать между различными социальными мирами.

Библиография

- Безнин М. А., Димони Т. М. (2013). Социальные отношения в Российской деревне 1930–1980-х гг. // Доклады независимых авторов. № 24. С. 12–27.
- Безнин М. А., Димони Т. М. (2010). Социальная эволюция верхушки колхозно-совхозных управленцев в России 1930–1980-х годов // Российская история. № 2. С. 25–43.
- Глумная М. Н. (2011). Становление и развитие управленческого аппарата колхозов Европейского Севера России (конец 1920-х — 1930-е гг.). Вологда: Легия.
- Красильников С. А. (2004). Спецпереселенцы // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / Отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск: Сибирский хронограф. С. 287–373.
- Окуда Х. (2011). «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания (1920-е — начало 1930-х гг.) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы междунар. науч. конф. М.: РОССПЭН. С. 495–527.
- Фицпатрик Ш. (2001). Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН.

The phenomenon of marginality among kolkhoz chairmen in the Western Siberian Region in the 1930s

Viacheslav B. Laperdin, PhD (History), Senior Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russia. E-mail: laperdin2011@mail.ru

Abstract. The article considers an understudied aspect of the social history of the Soviet countryside — the marginal position of kolkhoz (collective-farm) chairmen. Despite their high rank in the kolkhoz hierarchy, two categories of leaders had marginal positions in social structure. The first category consisted of “professionals” appointed by Soviet organizations — successful managers, who had proven their competence on other farms, joined district activists and were sent to rural areas; for them, work in kolkhoz was either a career dead end or a temporary decline in status. The second category consisted of the politically “unreliable” elected by the peasantry and considered by the authorities as alien elements; their career advancement attracted unnecessary attention and often resulted in social failure. The author emphasizes the opposite trajectories of social mobility of these two categories — downward and upward; however, despite different origins of their marginality, both groups shared a marginal position and uncertain status. Although their social trajectories were opposite, both categories faced similar challenges, primarily of external control. The study shows that in the 1930s the kolkhoz chairman position could serve not as a social elevator but as a social trap and reveals a paradox of social mobility in the Soviet countryside — when a formally high kolkhoz status exacerbated marginality rather than facilitated integration into Soviet society.

Key words: agrarian history, kolkhozes (collective farms), peasantry, kolkhoz society, adaptation, marginalization, Siberia

References

- Beznin M. A., Dimoni T. M. (2013) *Sotsialnye otnosheniya v rossijskoj derevne 1930–1980-h gg.* [Social relations in the Russian countryside in the 1930s — 1980s]. *Report of an Independent Author*, no 24, pp. 12–27.
- Beznin M. A., Dimoni T. M. (2010) *Sotsialnaya evolyutsiya verkhushki kolhozno–sovmoznykh upravlentsev v Rossii 1930–1980-h godov* [Social evolution of top managers of collective and state farms in the 1930s–1980s]. *Russian History*, no 2, pp. 25–43.
- Fitspatrik Sh. (2011) *Stalinskie krestyane: sotsialnaya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization], Moscow: ROSSPEN.
- Glumnaya M. N. (2011) *Stanovlenie i razvitie upravlencheskogo apparata kolkhozov Evropejskogo Severa Rossii (konets 1920-h — 1930-e gg.)* [Formation and Development of the Collective-Farm Administrative Apparatus in the European North of Russia (Late 1920s–1930s)], Vologda: Legia.
- Krasilnikov S. A. (2004) *Spetspereselentsy* [Special Settlers]. *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir (1920–1930-e gody)*. Ed. by S. A. Krasilnikov, Novosibirsk: Sibirsky khronograf, pp. 287–373.
- Okuda H. (2011) “Ot sokhi k portfelyu”: derevenskie kommunisty i komsomoltsy v protsesse raskrestyanivaniya (1920-e — nachalo 1930-h gg.) [“From the plough to the briefcase”: Rural communists and Komsomol members under depeasantization (1920s — early 1930s)]. *Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya*, Moscow: ROSSPEN, pp. 495–527.